

**ТЕМА ТЕЛЕСНОСТИ И ЧУВСТВЕННОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ С.Д. ЭРЬЗИ.**

Ильин Д.Ф. (Саранск, Мордовия, Россия)

Статья посвящена теме телесности и чувственности в творчестве выдающегося скульптора XX века С.Д.Эрзи.

Ilyin D.F. (Saransk, Mordovia, Russia). THE THEME CORPORALITY AND SENSUALITY IN THE CREATIVE ACTIVITY OF S.D. ERZYA.

The article is devoted to the theme of corporality and sensuality in the creative activity of the prominent sculptor of XX century - S.D. Erzya.

В современной России устойчивой тенденцией стал интерес к проблемам национальной культуры и, в том числе, к ее наиболее видным представителям. Самым ярким выражением нравственно-эстетического своеобразия мордовской культуры является творчество величайшего скульптора XX века С.Д.Эрзи (Нефедова).

Исследователи творческого наследия С.Д. Эрзи выделяют ряд характерных черт искусства мастера и тема телесности и чувственности, среди них занимает важное место. На этом фоне возрастает роль женщины.

Исследователи творческого наследия скульптора справедливо отмечали его повышенное внимание к женским образам, объясняя это интересом к теме материнства, его любовью к женщине как подлинной хранительнице тайны жизни, олицетворению ее чувственной полноты. Но лишь недавно были предприняты попытки объяснить это с позиций мордовской мифологии.

При анализе языческих верований мордовского народа обращает на себя внимание тот факт, что в них преобладают женские божества. В количественном отношении их значительно больше, чем божеств мужского рода.

В духовной культуре архаичных обществ, в том числе, мордовских племен, господствовал нравственный реализм, специфическими чертами которого являлась моральная амбивалентность образов богов, героев и духов предков, этический традиционализм (т.е. простое воспроизведение «заветов предков»), доминирование регулятивной функции морали над мировоззренческой.

Учитывая вышеизложенное, под влиянием древнемордовской мифологии в искусстве С.Д. Эрзи, сложился ряд особенностей, в том числе, преобладание в творческом наследии скульптора женских образов и своеобразная эротическая трактовка женских образов;

Фольклор предполагает не зрителя, а участника действия, изначально владеющего той же системой ценностей, что и непосредственный исполнитель текста. Можно уверенно сказать, что главная причина приоритетного места женских образов в искусстве С.Д. Эрзи – это преобладание женских божеств в языческой мифологии мордовского народа.

Женщина онтологически является источником размножения, поэтому через созданные скульптором женские образы красной нитью проходит тема их своеобразной эротической трактовки. Эрос в данном случае – это, в первую очередь,

телесный, физически-чувственный аспект сущности человека. Мастером было создано большое число обнаженных женских фигур. До нас дошла лишь малая их часть («Отдых», «Страсть», «Ева», «Обнаженная» («Девушка»), «Балерина» и др.). Но и в эмоционально сложных, духовно наполненных, открыто не воспевающих культ тела женских портретах угадываются эротические оттенки, то в выражении лиц и их конструкции, то в общем движении и пропорциях («Калипсо», «Женская голова» («Мечта»), «Женская голова» и др.).

Исследователи творческого наследия С.Д. Эрзи отмечают неразрывность эротического начала в его искусстве с язычеством, так как христианскому искусству не свойственно изображение обнаженного тела. Как заметил еще Ф. Ницше, «Христианство дало Эросу выпить яду: он, положим, не умер от этого, но выродился в порок» [1].

Художник категорически не согласен воспринимать обнаженное тело как нечто порочное, так как языческий эротизм, как черта мировосприятия (архетип «Плодородие»), присутствовал в разных сферах жизни мордовской деревни и, в первую очередь, в древних обрядах (озксах). Наибольший интерес в этом плане представляют обряды земледельческого культа.

«Танцы-заклинания были основой театрализации в ритуале «моление от саранчи» («цирькун-озкс»). Назначение этих танцев состояло в защите полей от опустошительных налетов вредителей сельскохозяйственных культур. Средством отпугивания и «устыжения» приближающихся вредителей служило обнаженное женское тело. Раздетые донага женщины выстраивались вдоль межи своих полей и по специальному знаку старшей из них начинали разыгрывать специальные сценки» [2].

Данный ритуал – возможно отголосок бытовавших у многих народов оргиастических нападений. Объектом такого нападения во всех случаях был исключительно чужеземец, подвергавшийся сексуальному насилию. Позднее оргиастические нападения женщин трансформировались в целую группу повсеместно распространенных обычаев и обрядов. Например, таких, как обряд магического вызывания дождя, а также церемонии для отвращения от деревни эпидемий и эпизоотий. К этой же группе обычаев следует отнести многие обряды земледельческой магии, в которых главную роль играли обнаженные женщины.

В цикле земледельческих обрядов мордвы видное место занимали фаллические обряды, такие как «Бросание в пиво» («Пивас каямо»), «Продавание дегтя» («Дегодень микшнимя»), «Продавание сюлгамов (булавок)» («Сюлгاما-микшнимя»). В этих действиях утрированное изображение мужчинами женского бюста или эротические игры с демонстрацией бутафорских мужских детородных органов применялись с целью возбуждения природы к воспроизводству продуктов земледелия, увеличения приплода животных.

Некоторые праздники у мордвы сопровождалась оргиями. Так, М.Т. Маркелов, описывая праздник «Рождественского дома», отмечает, что существовал обряд «атянь-васокамо» (издевательство над стариком), который состоял в публичном половом совокуплении старика и девушек [3]. Во время проведения этого же праздника исполнялись песни эротического содержания.

Так, в одной из них девушка открыто признается матери о свободе половых отношений с парнем:

«Заберись, ох матушка, на гору,
Посмотри, ох матушка, на мою любовь,

Посмотри, ох матушка, на мою любовь.
Кого, ох матушка, люблю я,
Кого, ох матушка, люблю я.
Люблю, ох матушка, я Алексея,
Люблю, ох матушка, я Алексея.
Целует, ох матушка, меня Алексей
Груды мои нежно ласкает, ох матушка, Алексей,
Меня ждет, ох матушка, Алексей...» [4].

Возникновение оргиастических празднеств относится к глубокой древности, когда жизнь первобытного стада складывалась из чередования двух периодов: периодов полового воздержания и периодов половой жизни. Первые характеризуются усиленной хозяйственной деятельностью коллектива, вторые - падали на время наименьшей интенсивности этой деятельности. Так как периоды, свободные от действия половых табу, становились все более редкими и все менее продолжительными, половая жизнь коллектива в это время приобретала столь интенсивный и бурный характер, что делала невозможным одновременное с ней существование хозяйственной деятельности. В результате, периоды, в течение которых были возможны половые отношения, совершенно освободилась от хозяйственной деятельности, превратились в периоды отдыха от нее, в своеобразные праздники. «Характерной чертой этих праздников было интенсивное, бурное, ничем не ограниченное, ...никакими правилами не регулируемое общение между полами» [5].

Участники оргиастических действий объясняли нарушения во время праздников существующих брачных норм тем, что так было у предков, и что этими праздниками они хотят сделать им приятное. Не является исключением и мордовский народ, в центре духовной жизни которого было ценностное восприятие времени. В свою очередь, существенным аспектом времени был счет поколений. Ощущение живой преемственности воспроизводилось через ритуал, культ, традицию, в которые индивид включался как реальный носитель этих связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее.

Праздники, сопровождаемые оргиями, аморальны для современного человека. Но для язычника участие в оргиях, освященных родовой традицией, - признак нравственного поведения. Допускаемая свобода в дни праздников имела также обрядовомагическое значение. Рядовой человек сознательно использовал отношения полов (усиленную сексуальность) как средство вызвать плодородие земли, так как отождествлял процесс продолжения рода у людей с аналогичным процессом у растений и животных. Земля мыслилась как рождающая мать, пахота и посев ассоциировались с тем, как зарождается жизнь живых существ. А демонстрация женских и мужских детородных органов, кроме того, что была призвана стимулировать общее изобилие и плодородие, также должна была защитить человека от враждебных сил.

Осмысляться как греховные и оскорбительные эротические игры и ритуальное оголение стали лишь со временем, утратив магические функции. Несмотря на это, в народной традиции половая жизнь продолжала восприниматься достаточно индифферентно. О ней говорили довольно свободно, называя вещи своими именами, и при этом не возникало ощущения, что речь идет о чем-то греховном, грязном. Вся крестьянская жизнь способствовала этому. Взрослые спали, как правило, в одной избе

с детьми, и те рано могли наблюдать сексуальные отношения полов. Мужчины и женщины вместе мылись в бане, купались обнаженными в реке, то есть восприятие наготы было практически повседневным.

Известный фольклорист А.И. Никифоров в своей неопубликованной книге «Просто о Севере» отмечал: «Много раз мне приходилось видеть, как молодые и пожилые матери быстрым привычным движением руки обнажали белую грудь при мужчинах и детях, чтобы дать ее младенцу. И ни разу за три поездки я не слышал при этом ни шуток, ни улыбки, ни застенчивости при этом действительно красивом и таком естественном обнажении» [6].

Скульптор, выросший и воспитанный в среде, где в естественном обнажении не видели ничего постыдного и где воспитание целомудренности являлось устойчивой традицией, не мог создать образ, который бы трактовался как недостойный и похабный. Для С.Д. Эрзи душа и тело «построются в одних и тех же ценностных категориях и выражают единое отношение, творчески активное, к данности человека» [7]. Тело для скульптора - это не часть человека, а весь человек. Это способ, каким жизнь становится человеком. Поэтому художник в своих «девах» утверждает, что физически-чувственная страсть также властна над человеком.

Скульптор трактует страсть без ханжества, открыто, иногда с некоторым вызовом. Это видно в «Еве» и особенно в «Страсти». Ева наполнена соками жизни, и змей-искуситель не кажется ей коварным, ибо он рождает в ее теле сильные и упоительные чувства. Уронив голову на плечо, Ева, полная жизни и здорового чувства, вся в ожидании неведомого, но привлекательного. «Страсть» – это открытый призыв любви, несколько шокирующий своей откровенностью. С.Д. Эрзя погружает женщину в особый мир, где страсть и чувственность не являются пороком, добродетель не связана с полом. Это мир, где господствуют нормальные человеческие чувства, не искаженные ханжеством, фарисейством или нездоровым интересом к нагому телу.

Сформировавшиеся благодаря особенностям мордовской мифологии, тема чувственной женской красоты, эротические мотивы в творчестве С.Д. Эрзи, получили развитие в эпоху Серебряного века.

Всплеск интереса к проблеме женщины и женственности - одна из очевидных особенностей философии Серебряного века. Для этой эпохи вообще было характерно «чувствование центральности проблемы пола и глубокая потребность осознания половой стихии» [8]. Интерес к проблеме пола, в свою очередь, коррелировал с концепцией личности, акцентировавшей внимание на духовной сущности человека, его свободе и творчестве. Эротическая же энергия понималась многими как вечный источник творчества, а в сексуальности человека видели возможность узнать метафизические корни его существа. И именно женщина считалась носителем половой стихии, определяющей всю совокупную жизнь человека.

Интерес к этой теме также связан с изменением исторической ситуации в стране: рубеж XIX-XX вв. был временем подъема женского движения в России. В культурной жизни происходит осмысление данного процесса; появляются исследования экономического, правового, исторического, психологического аспектов женского вопроса.

Широко дискутировавшиеся в общественной мысли, в художественной литературе проблемы пола, взаимоотношений мужчины и женщины также способствовали обращению русской философии этой эпохи к изучению проблемы женщины и женст-

венности. Ее обсуждение велось в контексте самых актуальных для философии Серебряного века проблем – софиологии, философии пола, теории любви, философии творчества, историософии, философии России.

Чем был обусловлен такой интерес к проблеме женственности? Джон Гримшоу объясняет факт отсутствия интереса к проблеме женщины в философской мысли Запада тем обстоятельством, что женщина считалась лишенной автономии и рациональности - то есть тех качеств, которые рассматривались как собственно человеческие и потому достойные внимания философии. В философии же Серебряного века на первый план выдвигаются иные понятия этой эпохи – Богочеловечество, Всеединство, Соборность, Творчество, Софийность, Любовь, что предполагало высокую оценку женственности как метафизического принципа [9].

Наконец, отечественная философия женщины и женственности испытывала влияние западных авторов. Всплеск интереса к проблеме пола в конце прошлого и начале нынешнего века - явление общеевропейское. В интеллектуальное пространство России той эпохи оказались включенными идеи И. Канта, Дж. Милля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда.

Под влиянием Фридриха Ницше в русской мысли стали широко использоваться образы Аполлона и Диониса. Содержание понятий аполлоновского и дионисийского начал осталось таким же, как в работах немецкого философа, причем первое стало отождествляться с мужественностью, а второе - с женственностью. В «Самопознании» Н.А. Бердяев вспоминает: «Дионисическое веяние прошло по России, захватив верхний культурный слой. <...> Эрос решительно преобладал над Логосом» [10]. В философии Серебряного века проблема пола являлась одной из центральных (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский и др.). Культ эротизма, мотив рокового поцелуя женщины-вамп, мотив чувственности также нашли отражение в поэзии и прозе Серебряного века (С. Ауслендер, З.Н. Гиппиус, М.А. Кузмин, Ф.К. Сологуб и др.). Поэтому обращенность С.Д. Эрзы к теме чувственности женщины была в русле глобальной устремленности, пристального интереса многих художников и скульпторов конца XIX - начала XX вв. к женским образам (С.Т. Конёнков, А.С. Голубкина, А.Т. Матвеев и др.).

В психологически емких женских образах эротическое чувство тонко и всеобъемлюще пронизывает пластическую ткань произведений великого мастера. Причем обнаженная натура выступает как символ красоты, молодости, упоения жизнью. Уникальные особенности женских портретов позволяют заключить, что скульптор находился в постоянном поиске, стремлении раскрыть тайну женственности. У С.Д. Эрзы женственность сродни не только красоте, но и добру. Независимо от того, с каким материалом работал скульптор, он умел передать не только поэзию земной красоты, но и моральную силу, глубокую эмоциональность, мудрость женщины.

Литература

1. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб, 1994. – С. V.
2. Брыжинский, В. С. Народный театр мордвы. – Саранск, 1985. – С. 52.
3. Маркелов, М. Т. Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. – Саратов, 1922. – Вып. 1. – С. 197.
4. Paasonen, H. Mordvinisch Volksdichtung. / Herausgegeben und übersetzt von P. Raiila. – Helsinki, 1939. – B. 2 – P. 149-150.

5. Семенов, Ю. И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – С. 295.
6. Русский эротический фольклор: песни, обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. А. Топоркова. – М., 1995. – С. 11.
7. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 128.
8. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 399.
9. Рябов, О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. – Иваново, 1997. – С. 130-131.
10. Бердяев, Н. А. Самопознание. – М., 1990. – С. 151